

18.X.59.
"Романовская правда"

Осень в Вёшках

Вечер на переправе

Вёшки. Так по-своему корстно и ласково называют казаки свою станицу. Стоит она над самым Доном. По утрам казаки прямо в воду сгоняют с база белых уток. Вдоль берега вереница лодок, песчаная отмель усыяна птичьими перьями и листьями лозняка. Если глянуть с другого берега, то кажется: шли по степи толпою белые домики, а у реки остановились, рассыпались цепью и вот стоят завороченные, глядят и не наглядятся на тихую воду.

Сейчас осень. Вода потемнела, погустела, кажется, от первых холодов. Октябрь жжет костры по берегам, будто хочет согреть озябшую воду. Желтым и красным огнем полыхают вязы и клены в пойме, столетние вербы сыплют в реку желтые листья.

Осень. Ухают на красной заре выстрелы в пойменных чашах, торопливыми и беспокойными табунами мечутся перед дальней дорогой скворцы, прощально и трогательно кричит пароход на перекате, в предчувствии морозов зябко дрожит зеленый огонек бакена...

На переправе вереница автомобилей. Незлобиво поругиваются из-за очереди шоферы. Одна-единственная телега среди машин. Нельзя не улыбнуться, глядя, как шоферы, не сговариваясь, пропустили лошадь на переправу. Давно ли тут, на отмели, поили коней казаки сотни, а сейчас — одна лошадь. Вежливо, как старухе, машины уступают ей дорогу.

— Откуда такая прорва автомобилей? — кричит какой-то нетерпеливый казачина.

— Ты что, с луны свалился, аль не слыхал, что ярмарка завтра?!

Морозным снегом скрипит капуста в кузовах, сдержанно переговариваются запертые в решетчатых ящиках гуси. Из соседнего кузова чубатый парень протягивает холодный, как лед, ломоть арбуза. Едим, далеко в воду швыряя тугие корки.

— Неужели из самой Москвы к нам? — спрашивает парень, разглядывая зеленые и красные круги на воде. — А когда Никита Сергеевич гостил, тоже были?

Получив утвердительный ответ, парень отложил арбуз.

— А правда, будто товарищ Хрущев сказал, что отдыхать теперь только к нам будет ездить? Хорошо ведь в Вёшках, а? А как американцы насчет мира? По-разному?..

Парень на минуту умолк. Потом вдруг выростал из кармана пиджака пустой рукав.

— Пороху не нюхали, вот и «по-разному»... Осколком бомбы садануло, когда еще мальчишкой был. У нас тут на Дону земля с небом мешалась. Вёшки в угольях лежали... Да что говорить, одной бы рукой задушил всех, кто шебуршит насчет войны. Правильно им там Никита Сергеевич сказал: давайте, говорит, утопим бомбы... Умом, видно, отошли люди, если кто против этих слов идет...

С шумом над самой водой пронеслась утиная стая, сонно плеснула рыба у моста, хрупкой льдиной показался над темными вербами месяц.

— А что, там у них виден сейчас месяц? — помолчав, спросил парень.

— Пошел, пошел, не задерживай! — закричали с переправы.

Наша машина, вздрагивая на зыбком понтонном мосту, двинулась к вёшенским огням.

Главная новость

Алюминиевый репродуктор на вёшенской площади отсчитывает гулкие удары полночных часов, но в райкоме еще горит свет.

— Какими судьбами? — вышел навстречу знакомый секретарь.

— Какие новости? — спросил я в свою очередь.

— Новости? — Петр Васильевич провел рукой по усталому лицу, улыбнулся. — Свежему глазу видней. Походи по станице, посмотри: казаки — люди горливые, а потом заходи.

«Сельские новости», — записал я в блокнот. — «Прожить в станице два дня, рассказать все, что увидел». С этим и ушел, попросив старую казачку в Доме колхозника разбудить на рассвете...

Туман. Горланят петухи. На соседнем с гостиницей базу звонко поет ведро под моющими струями. Вёшенские домики еще спят, укутавшись с крышами желтеющей шалью кленов. Иду к реке. Впереди в тумане маячит мужская фигура. Слышно, как громко хлопают тяжелые сапоги по лужам. Знакомимся. Молодой милиционер Афанасий Мельников явно смущен вопросом:

— Новости? Гм... Да ведь кому что. Дружок мой сказал, что в пойме вальдшнепы объявились, и убил будто восемь штук зараз. Иду вот с ружьишком проверить, не брешет ли? Новостями я и сам интересуюсь. Заглянем-ка к рыбакам.

— Дед Дмитрий, а ну покажь... Продубленный водой и солнцем рыбак с явным удовольствием толкнул тяжелую корзину ногой. На мокрую от тумана траву серебряными лопатами скользнули еще живые лещи.

— Пошел, значит, чебак? — Пошел, — ответил дед Дмитрий и стал кидать в корзину серебряные лопаты.

К пристани одна за другой подходили лодки. Не спавшие ночь рыбаки присаживались на поваленную у самого берега вербу, смахивали с жесткой одежды снежинки чешуи. Молча курили, наблюдая, как уносятся тяжелые корзинки с рыбой. В этом сдержанном молчании была особая торжественность, которую не хотелось нарушать расспросами.

Подомел председатель рыбколхоза Степан Мельников. Тоже помолчал, потом взвесил на ладони одну рыбку:

— Пошел, значит...

— Пошел.

Было видно, что этого слова ждали на берегу... На завтрак в чайной уже подавали свежую рыбу.

Сельская чайная — перекресток дорог и новостей. Я оказался за столом с тремя очень занятыми людьми. Отодвинув в сторону остывавшие щи, они развернули изрисованную значками карту.

— Садоводы?

— Да, — принялись за щи трое озаченных людей. — Мы из Ростова. Снитко. Бережной. Богдан. Из сельскохозяйственного института...

«Дорогие казаки... у вас маловато садов», — вспомнил я слова Н. С. Хрущева, сказанные на площади, которая виднелась сейчас из окна чайной.

— Реагируете на критику?

— А как же? — улыбнулись трое. — Садов в этих местах ведь действительно очень мало. Загляните сегодня на ярмарку — ни одного яблочка. Война повыкорчевала донские сады... Ничего, новые сады будут. Вот взгляните на карту. Этой осенью в Вёшках полты-

сячи гектаров колхозы закладывают. А за семилетку — в четыре раза больше. Представляете, а! Да, работа уже всюю...

В полдень я снова заглянул в райком.

— Добирался вчера как, на машине? — спросил секретарь. — Долгая от нас дорога к станице, грязная, непроходимая... Вот новость, если хотите: получил бумагу. Новую дорогу будем строить, каменную, а может быть, даже и асфальтом прикроем. Еще новости? Изволь. Вызывают вот на совещание в Ростов. Большую электростанцию будем закладывать. Да, специально для Вёшек, для окрестных хуторов... Ну как? Да, еще звонил сейчас человек, просил зайти, только что из Франции. Сорос лет не был в Вёшках. Мальчиком уехал. Фамилия Моисеев, зовут Петром. Ну и напоследок записывай! — засмеялся секретарь, — новый дьякон в нашей церкви. Сегодня первая служба. Голосище, говорят, как у Ильи-пророка. Ну, думаю, сегодня слушать его не пойдут даже старики. Приходи нынче в клуб. Главная новость будет там...

К вечеру вся станица знала, что в клубе будет сразу два фильма: о пребывании Н. С. Хрущева в Вёшенской и о визите в Америку.

...В зале не хватило мест. Люди стоят вдоль стен, в дверях. Гляжу на лица. Многих видел сегодня днем. Вон рыбак Дмитрий Евгеньевич Козлов с сыном и всеми домочадцами. Вон милиционер-охотник, секретарь райкома, ростовские садоводы. Вон счастливый отец Степан Выпрянжик, который сегодня в родильном доме хвалился мне сыном: «Три шестьсот весит». Вон Николай Зюзин. Шура Пономарева — я видел их в загсе. А это, с погончиками на плаще, наверное, тот самый человек из Франции... Полный зал. Я помню, как тепло у этого клуба казаки встречали дорогого гостя. «Из Вёшек», — уверяют они, — начался визит в Америку.

Гаснет свет... Дон. Светлое синее небо. Белый самолет. Никита Сергеевич Хрущев с поднятой над головой шляпой. Шолохов и Хрущев обнимаются... Машина с дорогим гостем на вёшенских улицах. Сейчас многие узнают себя на экране. Оживление, радостный шепот...

Америка. Аплодисменты на экране, аплодисменты в зале. Чей-то восторженный возглас: «Правильно!»

После сеанса я не стал расспрашивать медленно расходившихся оживленных людей, что они думают о визите. Все и так было ясно. Вспомнились слова парня на переправе: «Правильно им там сказал Хрущев. Утопить надо бомбу»...

Над Доном опять всплыла льдинка месяца, на другом берегу кто-то пел тихим голосом, на пристани трещали моторы — рыбаки на ночной лов пошли. Тихие звезды зажигались над станицей.

— Гляди-ка, — услышал я голос сзади, — у Шолохова огонь. Стало быть, уже вернулся в Вёшки.

У Шолохова

Писательские дела задержали Шолохова в Москве, и он действительно только накануне вечером вернулся в станицу. Утром мне позвонили из его дома:

— Михаил Александрович ждет вас. Знакомая калитка. Знакомый двор. Возле вон того крылечка Хрущев и Шолохов сфотографировались на память. Просторный коридор. На вешалке пиджак, плащ, охотничья куртка. Ласковая охотничья собака трется об ногу.

— Проходи, проходи. — Михаил Александрович обнимает сзади за плечи.

Рабочая комнатка. Почти весь пол занимает большая медвежья шкура — то ли охотничий трофей писателя, то ли подарок. В углу стол, заваленный стопками писем.

У Шолохова добрые, внимательные глаза. Он рассматривает привезенные ему в подарок фотографии, вспоминает путешествия за океан.

— Да, визит Никиты Сергеевича был очень успешным и полезным. Написать о поездках? И рад бы, да ведь вы знаете, у меня все должно отлежаться. Люблю газету, но не взыщите...

Михаил Александрович работает над последними главами «Поднятой целины». Коротко он рассказывает содержание книги, прослеживает известную пока только ему одному судьбу героев: Лушки, Давыдова...

— Работаю одновременно над несколькими главами. Одна мне особенно по душе. Пишу с радостью. Глава эта — о преданной и чистой, как родник, любви. Вам, молодым, важно будет прочесть это место в книге. На земле надо жить с хорошей и большой любовью...

Незаметно пролетел час в шолоховском доме. На прощание Михаил Александрович достает с полки книгу, делает надпись.

— Это на память редакции. А всем, кто читает вашу газету, от меня поклон...

* * *

Хорошая, тихая осень стоит над Доном. Осень большой работы, больших человеческих радостей. Все простые люди на земле назвали нынешнюю осень весной больших надежд. Пусть сбудутся надежды простых людей земли, всех, кто пахнет землей, кует железо и ловит рыбу, кто радуется тишине на реке, кто любит песни, кто понимает, что люди на земле должны знать хорошую большую любовь.

В. ПЕСКОВ.
(Наш спец. корр.)

Станица Вёшенская.

Фото автора.

Шолохов умеет рассказывать, умеет и слушать.